

ТЕАТР АЛЕКСАНДРА
ГРИБОЕДОВА
КОМЕДИИ
И СТИХОТВОРЕНИЯ

РУССКАЯ КУЛЬТУРА

АЛЕКСАНДР ГРИБОЕДОВ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1
Г82

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках реализации государственной программы
«Развитие культуры и туризма»

Грибоедов А.С.

Г82 Театр Александра Грибоедова. Комедии и стихотворения /
А.С. Грибоедов; [вступит. ст., сост., прим. М.В. Строганова]. —
М.: Даръ, 2020. — 432 с.: ил. — 12+.
ISBN 978-5-485-00633-4
КН-Э-

Александр Сергеевич Грибоедов (1795–1829) был драматургом и дипломатом. В первый период своего творчества он создал несколько комедий, которые имели успех у современников, но вскоре быстро забылись. Во второй период он написал комедию «Горе от ума», которая не была допущена цензурой ни на сцену, ни к печати, но которая разошлась при жизни автора в списках, а после его смерти до сих пор живет на сцене. Настоящее издание показывает путь Грибоедова от первых произведений к последующим и объясняет, каким Грибоедов представлял себе театр. Издание посвящено 220-летию со дня рождения А.С. Грибоедова.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-485-00633-4
КН-Э-

© Строганов М.В., вступительная статья,
составление, примечания, 2020
© Издательство «Даръ», 2020
© ООО ТД «Белый город», 2020

ДРАМАТУРГ / ДИПЛОМАТ

Драматург и дипломат — они оба похожи на шахматистов: они оба выставляют на поле свои фигуры и просчитывают, что получится, если эта фигура перейдет на эту клетку, а та фигура — на другую. При этом и драматург, и дипломат должны учитывать, что у противника тоже есть фигуры и он преследует свои цели; но можно заставить его передвинуть свои фигуры туда, куда нужно нам, и тогда победа будет наша. Противником дипломата является чужая держава, противником драматурга — мы, читатели и зрители, которые не хуже его знают, как надо двигать эти фигуры. В этом и разница. Все остальное — общее. Хороший дипломат всегда хороший драматург. Хороший драматург, судя по всему, — всегда хороший дипломат.

1

Александр Сергеевич Грибоедов родился в Москве в старинной дворянской семье, известной своими родственными связями. Мать и отец Грибоедова носили одну и ту же фамилию. Мать была женщиной властной, стремилась править всем самостоятельно и сыграла решающую роль в жизни своих детей, поэтому ни маленький Александр, ни его старшая сестра Мария фактически не знали отца. Отношения же с любящей матерью с течением ухудшались: ее властная, требовательная натура призывала сына к отчетам и повиновению, что с возрастом становилось всё менее желательным и выполнимым.

Александр Сергеевич считал, что он родился 15 января 1795 г. Однако истинная дата его рождения (может быть, и совпадающая с той, которую признавал он сам) остается всё же под вопросом. В документах встречается много противоречащих друг другу фактов, что

набрасывает на рождение Грибоедова некоторую дымку таинственности и загадочности, которую всем и всегда приятно разгадывать.

Грибоедов получил основательное домашнее воспитание под руководством гувернера И.Б. Петрозилиуса (впоследствии библиотекарь Московского университета). В декабре 1802 г. он поступил в Московский благородный пансион (при университете), а в январе 1806 г. на словесное отделение философского факультета Московского университета. Окончив словесное отделение летом 1808 г. со степенью кандидата, Грибоедов с 1810 г. продолжал образование как вольнослушатель этико-политического (юридического) факультета. Позднее Грибоедов иногда называл себя кандидатом прав, но это не подтверждается документами.

Считается, что Грибоедов в годы обучения в университете был страстным поклонником театра. И мы многое знаем о театральной Москве 1800-х — начала 1810-х гг. Однако едва ли все эти впечатления могли быть доступны молодому человеку, который даже на занятия в университет ездил с гувернером. Говорить, что молодой Грибоедов мог проявить собственные увлечения и свободную волю, совершенно невозможно.

Когда началась Отечественная война, Грибоедов, повинуясь патриотическому порыву, охватившему большинство русских молодых людей, 26 июля 1812 г. вступил в Московский гусарский полк, сформированный на средства графа И.П. Салтыкова, но полк не был до конца укомплектован, и его перевели под Казань под начало генерала А.С. Кологривова, командовавшего кавалерийскими резервами. В декабре 1812 г. граф Салтыков умер, Грибоедов был переведен в Иркутский гусарский полк (тоже под командой Кологривова), стоявший на территории современной Белоруссии, и в июне 1813 г. приступил к службе. Грибоедов служил в штабе и находился в центре полковой жизни. Так по разным внешним обстоятельствам Грибоедов и не участвовал в войне, на которую пошел добровольцем.

Штаб-квартира Кологривова находилась в Бресте-Литовском (нынешний Брест). Здесь Грибоедов и написал две прозаические статьи, связанные с полковой жизнью, которые стали его первыми печатными сочинениями — журнал «Вестник Европы» (1814).

4 В «Письме из Бреста Литовского» описан праздник, который

дали офицеры полка в честь своего шефа генерала Кологривова на обранные в складчину деньги. Наивная и восторженная, она передает то чувство офицерского братства, которое естественно формировалось в душе молодого человека, рано оставившего родной дом. В статье приведены стихи и песни, которые читались и пелись в честь героя праздника. Как следует полагать, эти стихотворные тексты сочинил тоже Грибоедов. В другой статье «О кавалерийских резервах» Грибоедов довольно занудно излагал проблемы формирования кавалерийских резервов. Но для современника наполеоновских войн и этот узкопрофессиональный предмет был интересен.

Возможно, именно в Бресте-Литовском в 1814 г. написал Грибоедов и комедию «Молодые супруги». Так началась его литературная деятельность, и так закончилась его воинская служба. Грибоедов в самом конце 1815 г. подает в отставку, получает ее в марте 1816 г., но поступает в Коллегию иностранных дел только в июне 1817 г. Этот период — с осени 1815-го по лето 1817 г. — стал временем литературного самоопределения Грибоедова.

В штабе Кологривова Грибоедов близко сошелся с братьями Степаном и Дмитрием Никитичами Бегичевыми. Дмитрий успешно продвигался по служебной лестнице, впоследствии был воронежским губернатором, сенатором, а главное — стал автором популярного романа «Семейство Холмских» (1832), в котором цитировал «Горе от ума» и использовал образы этой комедии. Степан постоянно вращался в литературных кругах, но сам не литераторствовал. Лишь однажды он хотел выступить в печати с защитой «Горя от ума» от критики, но Грибоедов воспротивился этому и оставил рукопись у себя (к сожалению, она теперь неизвестна). Степан стал лучшим и вернейшим другом Грибоедова, именно ему писательверял свои заветные планы. Грибоедов расходился со многими людьми, с которыми в какое-то время был близок. Но Степан Бегичев оставался его доверенным лицом всю жизнь. Благодаря разнице в возрасте в десять лет Грибоедов воспринимал Степана Бегичева как своего старшего брата, которому повиновался и которого слушался с тем большей охотой, что сам Бегичев не был склонен к насилию и диктату. То, чего Грибоедов не видел

в своей семье, он нашел в семье друга Степана, где отогревал свое одинокое сердце.

В штабе Кологривова Грибоедов познакомился, очевидно, и с князем Александром Александровичем Шаховским, который числился во время войны начальником тверского ополчения, но своих воинских успехов не стяжал, а чужие воспел в «мемуарной» поэме «Москва и Париж в 1812 и 1814 годах». Видимо, именно заядлый театрал Шаховской и подбил Грибоедова еще в Бресте-Литовском переложить на русские нравы одну французскую комедию. Так появились на свет «Молодые супруги».

А в Петербурге Шаховской познакомил Грибоедова со своим довоенным приятелем, поэтом и драматургом Петром Александровичем Катениным, через него — с литератором Андреем Андреевичем Жандром. Так сложился дружеский и литературный круг молодого Грибоедова.

«Молодые супруги» стали на русской сцене первой светской комедией. Новизна этой пьесы состояла в том, что в ней впервые нравы и обычаи светского общества были представлены на сцене, где до этого господствовали высокие герои классицистической трагедии. Чувства и настроения простого человека — вот что стало предметом художественного изображения. И хотя эти чувства были самыми обыденными, комедия Грибоедова заинтересовала современников.

«Молодые супруги» появились на сцене 29 сентября 1815 г. Но главной литературной новостью стала представленная на той же сцене 23 сентября комедия Шаховского «Липецкие воды», которая была направлена против писателей, продолжавших литературную и языковую реформу Н.М. Карамзина, и в первую очередь против В.А. Жуковского. «Липецкие воды» вызвали небывалую для русской литературной жизни полемику, названную в истории литературы «липецким потоком», на фоне которого «Молодые супруги» померкли. Да и сам Грибоедов кинулся в эту полемику вокруг «Липецких вод» со всей страстью и нерасчетливостью молодости. Он решил директивно прекратить обсуждение комедии Шаховского и в ноябре 1815 г. опубликовал эпиграмму-приказ «От Аполлона».

Эпиграмма была напечатана в журнале «Сын отечества» с таким предисловием редактора Н.И. Греча: «Наслышавшись об этой комедии очень много, я хотел было при объявлении

о выходе ее в свет порядочно разобрать ее, приготовился к тому как следует, прочел *Батте*, *Лагарпа*, *Шлегеля*, повторил *Мольера*, словом, твердо решился, как часто бывает, блеснуть чужим умом. Вчера, списав заглавие, принялся я сочинять разбор и начал: “Сия комедия...” Вдруг раздался за мною громкий, грозный голос: “Здравия желаю!” Хотя я журналист, следственно, человек полувоенный, но признаюсь, вздрогнул от неожиданного приветствия, оборотился и увидел вошедшего в комнату гренадера, вершков двенадцати, в пяти медалях. Он держал в руке большой пакет. “*К вам, сударь!*” — сказал он, подавая его мне. — “От кого?” — “*Не велено сказывать*”. — “Кто же это?” — “*Командеры!* — подавая книжку. — *Извольте расписаться*”. — Нечего было делать! Явзял послание, к *Сыну отечества*, и расписался; вестовой гренадер обернулся направо кругом, топнул и вышел. Распечатываю пакет и нахожу следующий приказ»¹ — далее и следовал текст эпиграммы:

На замечанье Феб дает,
Что от каких-то вод
Парнасский весь народ
Шумит, кричит и дело забывает,
И потому он объявляет,
Что толки все о Липецких водах
(В укору, в похвалу, и в прозе, и в стихах)
Написаны и преданы тиснению
Не по его внушенью!

Гренадеры не составляли особого рода войск (эти отборные — по росту — полки могли входить в состав как конницы, так и пехоты), так что здесь есть только одно указание на автора: он из военной среды и может воспользоваться для доставления почты вестовым почти официально (гренадер подает книжку для расписок о получении), то есть служит при штабе. Кроме того, он живет явно в Петербурге. Можно предположить, что эпиграмма была доставлена в журнал «Сын отечества» через С.Н. Бегичева, с которым летом — осенью 1815 г. Грибоедов жил на

¹Сын отечества. 1815. Ч. XXV. №45. С. 266–267.

одной квартире и который служил в гвардии (сам Грибоедов ждал отставки).

Во времена Грибоедова эпиграммы с такими предисловиями не печатали; печатали просто текст эпиграммы да ставили под ним подпись типа N.N. Тут же редактор как бы отстраняется от печатаемого текста: он вынужден его опубликовать и оправдывается, что сделал это под большим нажимом. Эпиграмма «От Аполлона» была доставлена в редакцию «Сына отечества» до 5 ноября 1815 г. (цензурное разрешение номера), но этот текст оказался не окончательным, так как в самом конце следующего номера появился список из двух ошибок, допущенных в предыдущем:

«Ошибки <...>

На стр. 267 третий и четвертой стихи: ОТ АПОЛЛОНА должно переменить следующим образом:

Его народ
Кастальских не вкушает.
(12 ноября)»¹.

Вообще в журнале было довольно много опечаток, но ни в предыдущих, ни в последующих номерах никакого списка опечаток и ошибок нет. И очевидно, что речь идет не о замене редакторской правки авторским текстом: публикуя первый текст, Греч не указал, что его что-то не устраивает. Из этого следует, что данная поправка могла принадлежать только самому Грибоедову, поэтому тот текст, который мы только что привели, — это первая редакция эпиграммы, а окончательную редакцию можно получить, заменив два стиха (см. этот текст в нашем издании). Наличие двух вариантов обусловило некоторую «неустойчивость» текста, поэтому С.Н. Бегичев, указав, что эпиграмма принадлежит Грибоедову, не мог вспомнить начало и сообщил лишь последние четыре стиха².

¹Сын отечества. 1815. Ч. XXVI. №46. С. 40. Сопоставление даты под списком ошибок и датой цензурного разрешения №46 — 9 ноября, указывает, что эпиграмма в новой редакции появилась между 9 и 12 ноября.

Не много ли суеты вокруг этой эпиграммы? Тем более что второй (окончательный) вариант ничуть не лучше первого, хотя в нем появился каламбур, основанный на противопоставлении «каких-то вод» (Липецких) и «Кастальских» (истинной поэзии). Получается, что не только укоры, но и похвалы в адрес комедии Шаховского вызваны не Аполлоном. Вся полемика вокруг «Липецких вод» отлучена от искусства. Эпиграмме Грибоедова в «Сыне отечества» предшествовали две эпиграммы арзамасского происхождения «Наш комик Шутовской хоть любит уязвить...» (N.N.) и ответная «Наш комик Шутовской тебя не усыпляет...» (*Е... Кзнецв*) и статья Д.В. Дашкова «Письмо к новейшему Аристофану». В других журналах и устно бытовало гораздо больше откликов. Этот «липецкий потоп» был совсем не в интересах самого Шаховского, который нечаянно его спровоцировал. Так появляется эпиграмма Грибоедова. Вспомним, что она была доставлена в редакцию «Сына отечества» до 5 ноября, а 3 ноября в Петербурге состоялась премьера пьесы «Комедия против комедии, или Урок волокитам» М.Н. Загоскина. Несмотря на многочисленные колкости, разбросанные в адрес арзамасцев, главным в ней была отступная — отказ от «личности» в адрес Жуковского. Герои «Комедии против комедии» обсуждают «Липецкие воды», и один из них говорит: «Г<осподин> Изборской защищался довольно хорошо, но посмотрим, чем оправдает он личности, которыми наполнена пьеса <...> Баллады, про которые он так часто говорит...» Изборский отвечает: «Где ж тут личность? Разве Баллада лицо? — Автору Липецких вод не нравится сей род сочинений — это нимало не удивительно. Одни красоты поэзии могли до сих пор извинить в нем странный выбор предметов, но если сей род найдет подражателей, которые, не имея превосходных дарований своего образца, начнут также писать об одних мертвецах и привидениях, то признайтесь сами, что тогда словесность наша не много выиграет»¹. Вслед за этим обыгрывается эпиграмма-экспромт Жуковского про «сухие воды».

¹ Загоскин Михайла. Комедия против комедии, или Урок волокитам. Комедия в 3-х действиях. СПб., 1816. С. 43–44.

Именно так воспринял комедию Загоскина арзамасец М., который в статье «Мнение постороннего» в том же номере, где была опубликована поправка к первой редакции эпиграммы Грибоедова, писал: «...кто мог предвидеть, что один автор, изъявивший желание осмеять другого, более известного, вдруг через несколько дней на том же месте, где он советовал ему не мучить стихами живых и мертвых, вздумает сам чрез своего представителя мучить его своими похвалами и уверять в невинности своих намерений? К какому роду принадлежит сие окончание войны литературной? Трактат ли это, или капитуляция? Но, что бы то ни было, кажется, теперь все должны быть довольны. Правда, говорят, что сие торжественное *отречение* было сопровождается несколькими выстрелами против защитников прежнего неприятеля. Будут ли они чувствительны к этим выстрелам? Я думаю напротив: они имели целью доказать, что стихотворец, которого принуждены были узнавать по известной всем вывеске (по нескольким стихам, из его сочинений выписанным), не похож ни в таланте, ни в характере на изображение, сделанное их противником; теперь сей противник подтверждает их доказательства всенародным признанием. Чего ж более?»¹

Грибоедов хотел сказать последнее слово и остановить «потоп». Загоскин вместо того, чтобы потушить разгоревшийся пожар, дал повод обвинить Шаховского не только в несправедливом нападении на Жуковского, но и в трусости. И вот, узнав об этой заметке, Грибоедов предпринимает новый шаг. Он напоминает читателю о своей эпиграмме, указав на «ошибку» в тексте. Хотя это, конечно, не ошибка, а просто другой стилистический вариант той же позиции. Напечатанная в «постскриптуме» журнала, поправка должна была вернуть всё на свои места: последнее слово оставалось не за арзамасцем М., а за «архаистом» Аполлоном. Но это последнее слово было напечатано в списке «ошибок», и его не заметили ни современники Грибоедова, ни историки литературы.

¹Сын отечества. 1815. Ч. XXVI. №46. С. 32–36. О.А. Проскурин достаточно убедительно атрибутировал «Мнение постороннего» Ф.Ф. Вигелю («Арзамас»: Сборник: В 2 кн. М., 1994. Кн. 1. С. 256–257).

Грибоедов не смог остановить «липецкий потоп». Мы привычно повторяем, что Грибоедов был великим поэтом и дипломатом. Но дипломат — это не только определенная должность, но и определенная манера поведения, стиль жизни. Кого-то мы и в жизни называем дипломатом, а кто-то, с нашей точки зрения, ведет себя совершенно недипломатично. Дипломатичное поведение предполагает не только корректность и деликатность, которые связаны с открытостью и честностью, но также некоторую скрытность и «себе на уме», которые граничат с недоверчивостью и лицемерием.

Полемика между карамзинистами и архаистами продолжалась, и Грибоедов участвовал в ней со всем своим полемическим пылом. В «Комедии против комедии» Загоскин писал, что у талантливого автора «красоты поэзии» могут «извинить» «странный выбор предметов» в жанре баллады, но «подражатели», «которые, не имея превосходных дарований своего образца, начнут также писать об одних мертвецах и привидениях», достойны насмешки. Загоскин переадресовал эпиграмматическую соль образа Фиалкина у Шаховского от Жуковского к авторам-«подражателям». Через полгода после публикации баллады Катенина «Ольга» это противопоставление использовал Н.И. Гнедич в статье «О вольном переводе Бюргеровой баллады “Ленора”»: «Стихотворения г. Жуковского родили и многих поклонников и многих противников, и подражателей и соревнователей. Сердечно желаем, чтоб подражатели, которые до сих пор только его передразнивали, произвели что-нибудь подобное *Певцу во стане русских воинов* и *Светлане*». Далее, рассуждая об особенностях содержания баллады как жанра, Гнедич говорит: «И в самом деле — “одни красоты поэзии могли до сих пор извинить в сем роде сочинений (в балладах) странный выбор предметов”». Гнедич цитирует «Урок волокитам» Загоскина; Жуковский достиг таких красот, которые оправдывают жанр баллады: «Надобно рассыпать такие богатые и живые краски в картинах, наполнить таким волшебным очарованием стихи, каким они наполнены, например, в балладе “Двенадцать спящих дев”, когда хотят, чтоб подобные баллады могли нравиться». И буквально вслед за этим Гнедич снова цитирует «Урок волокитам»: «Но если сей род найдет подражателей, которые, не имея превосходных талантов своего образца, станут также писать об одних мертвецах

и привидениях — тогда словесность наша...»¹ Гнедич применяет эвфемизм Загоскина (Шаховской писал не конкретно о Жуковском, а о жанре вообще) к реальной ситуации, и получается: Жуковский со своим талантом хорош, а его подражатель Катенин плох.

С Катениным Гнедича связывали давние отношения по оленинскому кружку и театральные интересы. С Жуковским — дружеское общение и скепсис по отношению к «Беседе». Ф.Ф. Вигель писал, что Гнедич «чуждался падших (беседчиков. — М.С.) и не дерзал восстать на торжествующих» арзамасцев². Мы бы сказали так: Гнедич боялся еще проявить близость к арзамасцам и не дерзал окончательно порвать с беседчиками, хотя в периоды размолвок с ними он мог обрывать серьезные пародии. Типично диффузная, периферийная, промежуточная позиция Гнедича вызывала со стороны арзамасцев насмешки и пародии, хотя в былые годы они одобряли его новаторские начинания (С.С. Уваров приветствовал начало работы Гнедича над гексаметрическим переводом «Илиады»).

Но если с авторитетами умирающей «Беседы» Гнедич еще боялся порвать, то молодого «архаиста» Катенина он смело положил под ноги арзамасца Жуковского. Никаких собственно литературных разногласий здесь нет. Тут причины лежат в личной или театрально-закулисной жизни (типа будущего противостояния Гнедича и Катенина как учителей и покровителей Семеновой и Колосовой), просто эти причины мы не знаем.

Катенин, знавший, кто был автором разгромной статьи, не испытывал (вопреки своему обыкновению) к Гнедичу особенно негативных чувств и всегда умел найти в нем достоинства и положительные стороны. Катенин молчал; Грибоедов же вступился за Катенина резко — в статье «О разборе вольного перевода бюргеровой баллады “Ленора”». Почему? Прежде всего, потому что Гнедич перевернул с ног на голову все оценки Шаховского и Загоскина. У Шаховского баллажник Фиалкин (Жуковский) был плох — у Загоскина автор баллад был терпим, если даровит (и хотя никто не говорил, что речь идет о Жуковском, но арзамасцы сознательно истолковали так в статье «Мнение посторонне-

¹Сын отечества. 1816. Ч. XXXI. №27. С. 33–34.

²«Арзамас». Кн. 1. С. 79.

го»), — у Гнедича Жуковский оказался прямым талантом, а бездарным подражателем стал Катенин.

К этому добавилась и личная причина. Грибоедов хотел своей эпиграммой перекрыть «липецкий потоп». А он, несмотря на все усилия, продолжался. Сказать еще одно слово было просто необходимо.

«Во-первых, — начинает Грибоедов разбор статьи Гнедича, — он не жалуется баллад и повторяет сказанное в одной комедии, что “одни красоты поэзии могли до сих пор извинить в сем роде сочинений странный выбор предметов”. Странный выбор предметов, т. е. чудесное, которым наполнены баллады, — признаюсь в моем невежестве: я не знал до сих пор, что чудесное в поэзии требует извинения».

Во-вторых, Грибоедов спорит по поводу соотношения даровитого поэта и других авторов. «Г. Жуковский, говорит он (Гнедич. — М.С.), пишет баллады, другие тоже; следовательно, эти другие или подражатели его, или завистники. <...> Может быть, иные не одобряют оскорбительной личности его заключения; но в литературном быту то ли делается?»

Наконец (этим заканчивается рецензия) Грибоедов заявляет: «Если разбирать творение для того, чтобы определить, хорошо ли оно, посредственно или дурно, надобно прежде всего искать в нем красот. Если их нет — не стоит того, чтобы писать критику; если ж есть, то рассмотреть, какого они рода? много ли их или мало? Соображаясь с этим только, можно определить достоинство творения. Вот чего рецензент “Ольги” не знает или знать не хочет».

Этот заключающий статью абзац возвращает нас к «липецкому потопу». Ведь в ходе литературной борьбы, которая разыгралась вокруг комедии Шаховского, никто не искал в ней красот, никто не определял, хороша она или дурна. Все думали и писали только о личности. Вот почему Аполлон в эпиграмме Грибоедова и отлучил эту полемику от искусства. Грибоедов говорит о принципе подхода к тексту. Это уже мы из пушкинской статьи «<Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина>» (1833) взяли сопоставление Катенина с Жуковским и говорим теперь, что «исторически их (Гнедича и Грибоедова. — М.С.) спор закончился победой Грибоедова». Конечно, Пушкин всегда прав. Но в данном случае прав был и Грибоедов.

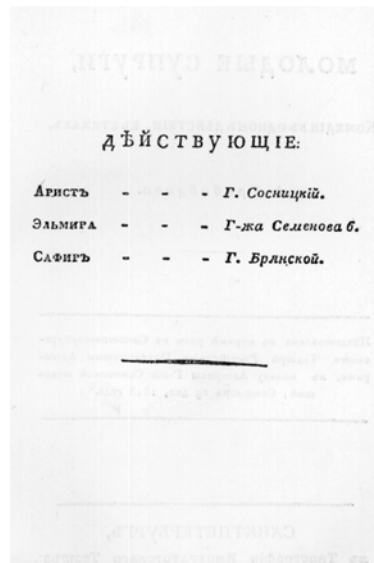
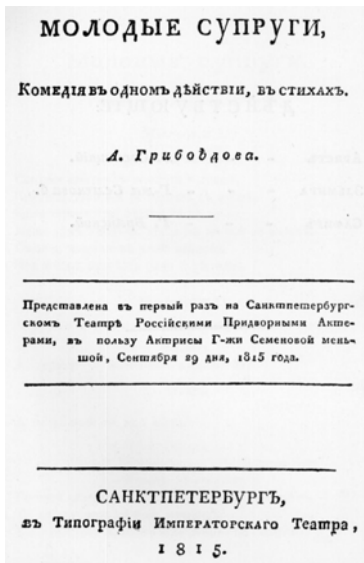
*А.С. Грибоедов
Акварель В.И. Мошкова. 1827*

МОЛОДЫЕ СУПРУГИ
Комедия в одном действии,
в стихах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Арист
Эльмира
Сафир

Гостиня в Аристовом доме.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Арист (*входит*)

Сегодня завернул некстати я домой:
Придется утро всё беседовать с женой.
Какие странности! люблю ее по чести,
Меж тем приятнее, когда мы с ней не вместе.
Однако вперьвые не мною найдено,
Что вскоре надоест одно и всё одно.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Арист и Эльмира в простом утреннем платье.

Эльмира

А! здравствуй, милой мой, здоров ли?

Арист

Понемногу.

А ты здорова ли, мой друг?

Эльмира

Я слава Богу.

Арист (*в сторону*)

Веселый разговор.

(*Вслух.*)

Скажи, ужли опять

Ты не намерена сегодня выезжать?

Как взаперти пробыть весь день — не понимаю.

Эльмира

Свой дом всем прочим я домам предпочитаю.

Арист

Но прежде отчего езжала всюду ты?
И ныне способы к тому не отняты.

Эльмира

Веселость светская меня к себе манила,
Когда я дней моих тебе не посвятила;
Большой же ныне свет мне стал казаться мал.

Арист

Но отчего же я от света не отстал,
А дорожу тобой всё более и боле?

Эльмира

Пожалуй, выезжать я буду поневоле.

Арист

Притом и не видать в тебе талантов тех,
Которыми сперва обворожала всех.
Поверь, со стороны об этом думать можно,
Что светских девушек образование ложно,
Невинный вымысел, уловка матерей,
Чтобы избавиться от зрелых дочерей;
Без мыслей матушка проронит два, три слова,
Что дочка будто ей дарит рисунок новый;
Едва лъзя выпросить на диво посмотреть,
Выносят наконец ландшафт или портрет,
С восторгом все кричат: возможно ль, как вы скромны! —
А, чай, работали художники наемны.
Потом красавица захочет слух прельщать, —
За фортопяны; тут не смеют и дышать,
Дивятся, ахают руке столь беглой, гибкой,
Меж тем учитель ей подлаживает скрипкой;
Потом влюбленного как в сети завлекли,

В загоне живопись, а инструмент в пыли.
Всё это сказано меж нами не для ссоры.

Эльмира

Заслуживаю ль я подобные укоры?
Я думала, к пенью прошла моя пора;
В удобность же тебе я буду петь с утра,
На бале проведу всю ночь.

Арист

Забудем это,
Помыслим о другом. — Уже подходит лето,
Какие меры брать располагаешь ты?

Эльмира

Какие могут быть тобою приняты.

Арист

Оставим городской шум вечной, пыль и сплетни,
На даче проведем мы ясные дни летни.

Эльмира

Пожалуй.

Арист

Но боюсь, нескромен сей приют:
Непрошенные нас близь города найдут;
Притом соседство там ужасно как наскучит.

Эльмира

Куда ж поедем мы?

Арист

Меня страх это мучит.
В скитаньях провести нам лето как-нибудь.

Эльмира

На всё согласна я.

Арист

Куда ж направим путь —
В Крым или на Кавказ?

Эльмира

Куда тебе угодно.

Арист

Куда угодно мне — вот это бесподобно!
Я мнение твое желаю знать давно,
Чего б хотела ты?

Эльмира

Мне, право, всё равно.

Арист

Так, видно, далее не ехать нам заставы.

Эльмира

Везде, где вместе мы, мне радость и забавы!
Я, право, завсегда стараюсь угадать
Всё то, что мысленно ты можешь пожелать.

Арист

И я признателен.

Эльмира

Нет! я так замечала,
Что скучно всё тебе.

Арист

Мне скучно?

Эльмира

Да.

Арист

Нимало.

Эльмира

По крайней мере мне казалось иногда,
Что, сидя ты со мной, не в духе...

Арист

Никогда.

Эльмира

О, если б ложные мне виделись приметы!

Арист

Я рад с тобою быть... однако где газеты?

(В сторону.)

Над ними все-таки пристойнее зевать.

Эльмира

Он занят чтением, — мне тоже книгу взять.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТИЕ

Прежние и Сафир.

Сафир

За чтением муж с женой, — вид важной и степенной!
Примерная чета! боюсь, не оцененно.

Арист

Ах! как ты мил, Сафир, что вспомнил обо мне:
Мы утро целое с женой наедине.

Сафир

Непозволительно и утренней порою
Скучать, любезной мой, с супругой молодою.

Эльмира

Мой муж ведомостями был занят, а не мной.

Арист

Что рано с балу так уехал ты домой?
Досадно, по тебе мы поздно спохватились.

Сафир

Я крепко задремал.

Арист

А мы так всё резвились.
В Аглаю, знаешь, как Сердаликов влюблен?
Я настоял на том, чтобы взбесился он:
С Аглаей всё шептал и танцевал нарочно;
А он краснел, бледнел, дрожал, ворчал, ну точно
Не раз обманутый ревнивый на часах.

Сафир

С Аглаей всякому легко быть в дураках.

Арист

Везде, где только бал, она необходима.

Эльмира *(в сторону)*

А я здесь лишняя.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Арист и Сафир.

Сафир

Теперь об этом мимо;
В присутствии жены поосторожней будь.
Ба! да она ушла.

Арист

Бог с ней, счастливый путь.

Сафир

Не совестно ль тебе с женою, столько нежной,
Вести себя как ты, так сухо, так небрежно?

Арист

Да, очень совестно, пожалуй побрани.

Сафир

В уединении она проводит дни,
До утра твоего ждет с бала возвращенья.

Арист

А мне что за нужда? Какие утешенья!
Что с ней я, что один, не всё ли мне равно?
Хожу по комнате, глазею с час в окно;
Скажу ей что-нибудь — она мне потекает,
И речь в устах моих, не кончась, замирает.
У нас с Эльмирою эмблемой приняты
Не розаны, мой друг, а маковы цветы.

Сафир

И тягостно тебе согласие домашне?

Арист

Да, сударь, тягостно согласие всегдашне.
Зачем она молчит и убегает свет?
Причиной спесь иль лень; ума в ней, что ли, нет?
О! пропасть в ней ума; но кто про это знает?
И дарований тьма, — она их все скрывает;
Прекрасная собой, — одета не к лицу!..
Я впрямь был вне себя, когда мы шли к венцу,
Как в первой раз меня Эльмира обнимала!..
Немые ласки те божественны сначала,
А в продолжении весьма надоедят.

Сафир

Иной подумает, что ты давно женат.

Арист

По справедливости, три месяца — три века!..
С Эльмирой можно близь тенистого просека,
Под свесом липовым, на бархатном лужку
Любиться, нежиться, как надо пастушку,
И таять весь свой век в безмолвьи неразлучно.
Всё это весело в стихах, а в прочем скучно.

Сафир

Ты прав, на что она скромна, тиха, мила;
Нет, лучше, чтоб она кокеткою была.

Арист

Кокетка, знаешь ли, ужасно только слово.

Сафир

Кроме значения, нет ничего худого.

Арист

Пусть ищет нравиться моя Эльмира всем,
Но любит лишь меня, и я доволен тем.

Сафир

Ах! убегая раз она домашней сени,
Тобою занята гораздо будет меней;
Потом, как врозь она привыкнет быть с тобой,
Немудрено, что ей понравится другой.
Потом — как раза два она тебя обманет,
Глядь, в очередь свою виновной охать станет.

Арист

Мой будущий удел я знаю наперед;
В наш век степенница по свадьбе через год

Берет любовника; — единообразье скучно,
И муж на то глядеть обязан равнодушно.
Всё это сбыточно, всё это быть должно
Со мною, как с другим, — так раз заведено.
Однако до тех пор хотел бы я в Эльмире
Все видеть способы искусства, средства в мире,
Рядиться, нравиться, приятной, ловкой быть,
А более еще, чтоб таковой прослыть;
Чтоб рой любовников при ней был ежечасно,
Но ею презренный, рой жалкой и несчастной!
А я бы думать мог, на этот рой смотря:
Старайтесь круг ее, а наслаждаюсь я!

Сафир

Ребячество, мой друг, ребячество большое;
И скрашивать на что суждение пустое?
Скажи, что молод ты супругом путным быть,
Не в силах качества жены своей ценить.

Арист

Любовь моя к жене род страсти, обожанье!..
Постой, да ныне мне назначено свиданье.
Прощай, любезной мой.

Сафир

С Аглаей?

Арист

Точно так.

Сафир

Ну можно ль предпочесть ее жене?

Арист

Никак.

А у вертушке той я, может быть, десятой;
Но с нею в забытии я время провожу,
С женою ж разговор едва ли нахожу;
И, наконец, тебе доверить можно смело,
Что ныне как в суде мое решают дело
И, может, приберут имение к рукам,
Я, вместо чтоб скакать по стряпчим, по судам,
Платить и кланяться, к прелестнице поеду,
А ты покуда здесь останься, проповедуй!

(Уходит.)

Сафир

Поди, сударь, к жене. — Вот сущий ветрогон!
Чему ж дивиться нам, что мало верных жен.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Сафир и Эльмира (одетая с бóльшим вкусом, чем прежде)

Эльмира

Мне споры ваши все из спальней были слышны.
К увещеванию слова, труды излишни,
И горести мои известны вам одним.
Я опасалась в них довериться родным,
Чтоб не доставить тем худой Аристу славы.

Сафир

Он виноват кругом, но вовсе ли вы правы?

Эльмира

Уж вы всё знаете, судите вы меня.
С тех пор, как я за ним, доселе, несмотря
На частые его отсутствия, холодность,
Я делаю ли что Аристу в неуютность?

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М.В. Строганов. Драматург /Дипломат</i>	3
Молодые супруги. <i>Комедия в одном действии, в стихах</i>	39
От Аполлона	81
Студент. <i>Комедия в трех действиях</i>	82
Лубочный театр.....	148
Отрывок из комедии <«Своя семья, или Замужняя невеста»>	150
Притворная неверность. <i>Комедия в одном действии, в стихах</i>	164
Проба интермедии. <i>Интермедия в одном действии</i>	209
Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом. <i>Новая опера-водевиль в одном действии</i>	216
«Крылами порхая, стрелами звеня...»	257
Романс.....	257
Эпиграммы	258
Телешовой.....	259
Отрывок из Гёте	261
Горе от ума. <i>Комедия в четырех действиях в стихах</i>	268
Примечания.....	406